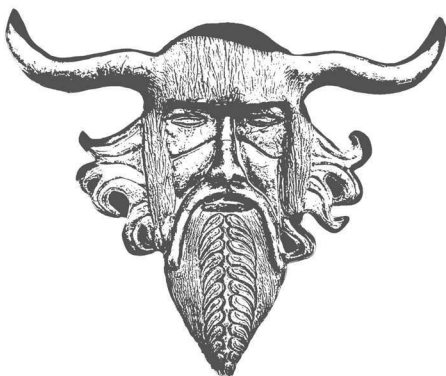

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ

РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Мифология
славян

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)
К72

Костомаров, Николай Иванович.

К72 Русское язычество. Мифология славян / Николай Костомаров. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 608 с.

ISBN 978-5-9955-1138-0

Фундаментальный труд выдающегося историка, одного из основоположников русской исторической мысли Н.И. Костомарова (1817–1885), посвященный системе мифологии наших языческих предков. Исчерпывающие сведения о русском язычестве, языческих обрядах и праздниках, богатейшее народное поэтическое творчество, сотни приведенных в книге праздничных, семейных, любовных, свадебных песен делают ее также энциклопедией истории, нравов, быта и всей духовной жизни древних славян.

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9955-1138-0

© ООО Яуза-пресс, 2023

Часть I

**Славянская
мифология**

Смысл мифологии славян

Славяне, несмотря на видимое многобожие, признавали одного Бога, отца природы, и это существо они понимали сознательнее, чем таинственную судьбу — греки, а скандинавы — Альфатера, который не участвует в делах человеческих. Единобожие славян неоспоримо. Прокопий Кесарийский говорит, что славяне признавали в его время единого Бога, творца грома и молнии, и, кроме того, почитали духов, которыми, по своему понятию, населяли природу. То же говорит Гельмольд относительно славян прибалтийских: несмотря на то что славяне признают много божеств, они имеют сознание о верховном существе и отличают от своих богов Бога небесного, всемогущего, пекущегося о небе и земле. У жизнеописателя Оттонова славяне говорят сами, что они признают великого Бога, обладающего всеми богатствами.

Из летописи нашего Нестора видно, что русские славяне имели понятие о едином верховном существе, которого по преимуществу называли Богом и отличали его от Перуна, главного из второстепенных божеств. Другие божества были существа, происходившие или вытекавшие от верховного. Так Гельмольд нам поясняет этот основной догмат славянского языческого богословия: прочие

божества, говорит он, истекли постепенно от высочайшего Бога и как бы рождаются из крови его; и от того из них тот выше и совершеннее, кто более приближается к Богу богов. Следовательно, коренной принцип славянской религии — эманация; по славянскому понятию, и нравственная, и физическая природа представляется живущей, заключающей в каждом явлении своем жизненный дух, исходящий из жидителя. Такой принцип эманации подал Коллару и Ганушу повод видеть в славянской религии единство с индийской.

Однако славянское понятие о божестве совсем не пантеизм. Бог, или Прабог, как называет его Коллар, не сам образовал мир, не рассеялся в своем творении, а только испустил из себя духов, которые населяют материю и служат как бы посредниками между мертвою массой и всеоживляющим началом, но сами существуют от Бога отдельно. Славянское верование скорее имеет разительное сходство с учением Зенд-Авесты о феруанах и Изедах.

Ближайшее к Богу истечение есть свет, и потом, при тщательном рассмотрении, мы найдем, что существеннейшая часть язычества славянского относится к светопоклонению. У славян было верование, что существо света являлось на земле и воплощалось в человеческом роде. Это ясно из одного места Ипатиевской летописи. Некогда царствовал на земле Сварог (высочайшее существо, отец света), научил человека искусству ковать и брачным связям; потом царствовал сын его Дажьбог, «еже нарицается солнце». В слове «Сварог» можно угадать санскритское слово *свар*, свет, небо, от сего быть может и наше слово *вар*. Руководствуясь этим важным местом, мы постараемся отыскать во многих идолах славянских, почитаемых за особенные существа, то же поклонение

свету физическому и духовному. Дитмар Мерзебургский говорит, что в городе Редегасте (Ретре) у полабских славян был храм с деревянными изображениями божеств, из которых выше всех был Сварожич. Зная, что Сварог есть свет и отец Дажьбога, также света, солнца, нетрудно, кажется, увидеть, что Дажьбог и Сварожич — лицо одно и то же. Храм его, говорит Дитмар, построенный из дерева, поддерживался в основании рогами животных, стены исписаны были разными изображениями богов и богинь; в храме стояли боги, исчерченные таинственными письменами, страшно убранные в шишаки со щитами; посреди всех стоял Сварожич, почитаемый больше всех язычниками, которые сносили в храм свои знамена, когда они не нужны были на войне. Хранить храм определены выбранные жителями лица; когда приносили жертвы или умоляли божество утишить гнев, они сидели, в то время когда все стояли, и, шепча, по очереди ударяли в землю: таким образом они разрешали по брошенным жребиям сомнения; после этого, украсив зелеными ветками коня, почитаемого священным, проводили его через копыя, воткнутые в землю, накрест одно к другому. Когда в обоих гаданиях замечали благоприятное предзнаменование, то приступали к замышляемому делу, ежели же нет, то покидали намерение. Город, где стоял идол в храме, помещается у Дитмара в деревне Редерариуме; он с тремя воротами и окружен священной рощей.

Адам Бременский в своей церковной истории описывает в городе Ретре храм идола, называемого *Радегаст*. Град, где был храм, имел девять ворот и окружен был озером, через которое проходили по мосту те, кому надлежало туда идти для жертвоприношений и гаданий. То же говорит Гельмольд, прибавляя, что Радегаст был

верховным божеством и богослужение ему отправлялось очень разнообразно. В храм стекались для жертвоприношений и гаданий: эти обряды отправлялись вместе. Перед началом богослужения жрецы гадали и по жребиям давали пророчения: угодна или негодна будет жертва в настоящее время; и если угодна, то закалывали быков и овец, жрец возливал на идола кровь жертвы, чтобы сделать его благосклоннее; потом возвешаемы были советы и пророчения. Во время борьбы с христианством приносимы были в жертву и поклонники Иисуса. О наружном виде Радегаста Адам Бременский говорит, что идол был золотой, а ложе у него пурпурное. Конечно, это преувеличение: вероятно, идол был позолоченный. Подробное описание Радегаста оставила нам хроника саксонская. На голове у него сидел орел с распростертыми крыльями, а на груди была черная бычья голова, изображенная на щите; этот щит идол держал правой рукой, а в левой он имел секиру с двумя остриями.

Радегаст и Сварожич были одним и тем же божеством. Доказательства следующие:

1. Дитмар, говоря о Сварожиче, называет город, где он находился, городом Радегаста, а из хроники саксонской и любельской мы узнаем, что поклонение Радегасту было в разных местах славянщины, и те города, где находились капища этого божества, назывались его именем. Дитмар мог описать один из многочисленных храмов, подобных тому, какой описан в Ретре Адамом Бременским и Гельмольдом.

2. Как к Сварожичу, так и к Радегасту приходят для жертвоприношений и оракула.

3. Как тот, так и другой называются верховным божеством. Ежели же Радегаст однозначителен со Сварожичем,

чем, то он одно лицо и с Дажьбогом и означает воплощение света физического и нравственного.

Предание о царстве солнца видно и в поверьях о Радегасте, ибо славяне верили, что Радегаст был героем, некогда царствовал со славой, потом пал в бою и сделался божеством, то есть с ним соединяли священную историю о воплощении светоносного начала, боровшегося с противным злым существом, как яснее увидим далее. Но уже довольно ясно, что Радегаст, или Сварожич, был посредником между небом и землей, высшей мудростью; вместе с тем Вацерад говорит, что Радигост, внук Киртов (*кор* — солнце), был покровителем гостеприимства и промышленности, ибо гость означал и купца. При этом он был божеством войны, что показывает оружие в руках и кровавые жертвы; и потому-то его называют Марсом славянским: мы уже знаем, что по славянскому верованию владеть оружием божество научило людей вместе с земледелием, как и у зендов. Вспомним, что и Аполлон представлялся воюющим, стрелком из лука; и у всех светопоклонников светоносное начало изображалось воинственным, в смысле борьбы его с мраком и злом.

То же значение, какое имели Сварожич и Радегаст, имел и Свантовит, которому первосвященническое богослужение отправлялось на острове Рюгене и описано Саксоном Грамматиком. На меловом утесе северо-восточного рюгенского мыса стоял укрепленный, но незначительный по пространству град или замок Аркона, служивший для отправления богослужения и для укрытия жителей во время неприятельских набегов. Посреди града была площадь; на ней стояло деревянное, изящно отделанное здание, в котором находился идол Свантовита. Внешний вход в это здание был аркообразный, и карнизы укра-

шены рисунками грубой работы. Храм разделялся на две части: посреди здания находилось отделение на четырех колоннах — вместо стен ему служили висячие покровы. Кроме потолка, блестящего красной краской, внутреннее отделение не сообщалось с внешним. Там-то стоял идол Свантовита, превосходивший огромностью всякий рост человеческий, с четырьмя головами и четырьмя шеями, с двух сторон представлялись две спины и две груди; борода у идола была тщательно прибрана, волосы острижены, так что художник подражал прическе рюгенцев. В одной руке идол держал рог с вином, который жрец, определенный в святилище, наполнял ежегодно в назначенный день вином и по этому вину угадывал благоденствие будущего года. Левую руку он держал, согнувши наподобие лука, — по другим известиям, держал в ней лук. Идол был одет; одежда достигала колен, которые были сделаны не из одного дерева с туловищем, но так искусно соединены с ним, что проницательный глаз не мог заметить раздела. Ноги его стояли на голой земле, и подошвы входили в землю. Подле идола находились его принадлежности: седло, узда и замечательный огромный меч, ножны и рукоятка которого блистали серебром и прекрасной работой. Свантовиту отправляли богослужение в определенные дни и гадали о будущем. Он был богом плодов земных и богом войны. Каждый мужчина и каждая женщина считали обязанностью благочестия принести ему в дар монету; ему принадлежала также третья часть добычи, взятой на войне; назначалась для его охранения вооруженная гвардия из трехсот конных воинов и стольких же пеших стрелков, сражавшихся во имя бога и называвшихся его войском: все, приобретенное ими оружием и хитростью, приносилось жрецу,

который сохранял достояние божества в запертых сундуках, в особенных коморах. Кроме изобилия денежного, в этих коморах находилось много пурпурных материй, уже истлевших от времени, и огромное количество даров разного рода, общественных и частных, приносимых щедростью дающих обеты. Вся славянщина питала уважение к рюгенскому истукану, и даже чужеземные цари посылали туда подарки. И в других местах находились такие же капища и изображения этого божества; за ними смотрели жрецы меньшего достоинства, нежели арконский. Кроме сокровищ, при этом храме находился белый конь, гриву и хвост которого запрещено было свивать. Только жрец мог сесть на него и кормить его; животное, принадлежавшее божеству, не должно было унижать частой и обыкновенной ездой. Славяне думали, что на этом коне ездит сам Свантовит и сражается со своими неприятелями; это доказывали славяне тем, будто часто видели, как конь, поставленный в конюшне вечером, утром бывает весь в пене, как бы после долгой езды. Этот конь служил для прорицаний. Когда собирались на войну, то перед храмом ставили тройной ряд копий, воткнутых в землю остриями, по два в каждом ряду. Копья стояли накрест одно к другому. Таким образом, всех копий было шесть; расстояние от первого ряда до другого было таким же, как от второго до третьего. После торжественных молитв жрец за узду проводил коня через три ряда. Ежели конь, перепрыгивая, поднимал прежде правую ногу, то это считалось счастливым предзнаменованием, а ежели левую, то несчастливым, и тогда оставляли предприятие. Равным образом славяне приступали к плаванию и вообще ко всякому важному делу не прежде, как испытавши скачок животного. Кроме этого гадания, жрецы гадали

по дощечкам: брали три дощечки, у которых одна сторона была белой, а другая — черной, и бросали: ежели две упадут белой стороной, означает счастье, а ежели черной — несчастье. И женщины при храме гадали по линиям в пепле на потухающем угле. При храме Свантовита хранились также священные знамена и орлы, употребляемые на войне. Славяне питали особенное уважение к одному знамени, которое называлось *станиция*; его появление возбуждало мужество. Когда датчане взяли это знамя, арконцы так упали духом, что потеряли город, а до того времени они защищались с великим упорством.

Гельмольд говорит, что под Свантовитом разумели славяне солнце, приписывали солнцу первенство над другими божествами и посвящали ему храм кумира. Храм был местом прорицания для приходивших из разных стран: туда приносили годовые дары и отправляли жертвы годового очищения. У Гельмольда он называется *бог богов*: прочие боги почитались перед ним полубогами. Подобно Саксону Грамматику, и Гельмольд также признает его богом войны; между прочими кровавыми жертвами ему приносили и христиан как врагов этого божества. Свантовит был покровителем великого художества и торговли: каждый купец, приезжавший в славянскую землю, мог пользоваться свободным правом своего занятия не прежде, как заплативши дар Свантовиту. Оттого жрецы обладали большими сокровищами; вся гражданская власть находилась под их освящением, и ни на какое предприятие не осмеливался народ, не испросив прежде надежды на помощь бога. В известиях о Свантовите видны следы воплощения его на земле. Езда его на белом коне показывает, что под ним понимали не только вообще солнечную животворящую силу, но и воплоще-

ние в человеческом образе. Воинственность его и борьба с врагами намекают на историческую часть поклонения. Саксон Грамматик и Гельмольд догадываются, что поклонение Свантовиту произошло от св. Вита, память о котором занесли туда миссионеры, корвейские монахи в царствование Людовика Благочестивого, и что славяне, переделав его имя, почитали под ним своего бога богов. Слишком надобно быть ограниченным, чтобы поверить такому производству. Сам Гельмольд говорит, что славяне почитали под символом Свантовита солнце, а поклонение свету, конечно, не образовалось после пришествия корвейских монахов; притом языческие обряды и принадлежности этого божества так повсеместны у славянских племен и так много заключают общеязыческого, что древность поклонения Свантовиту не может восходить единственно к IX веку. Вероятно, славяне рассказывали монахам о царстве Свантовита на земле и называли его великим своим покровителем. Монахи заключили по созвучию, не зная по-славянски, что это лицо должно быть есть св. Вит. Такое мнение сделалось полезным для миссионеров. Язычники, по свидетельству Гельмольда, так были привержены к Свантовиту, что долгое время после крещения не забывали его обрядов — тогда для постепенного успокоения их подставили им св. Вита вместо Свантовита по сходству имен, да и сами успокаивались той мыслью, что ежели народ и продолжает отправлять языческие обряды, то по крайней мере в честь христианского святого. Иллирийские славяне до сих пор празднуют день св. Вита с языческими обрядами; в Богемии обожали Свантовита как главное божество и не могли отстать от него и в христианстве до тех пор, пока князь Венцеслав не выписал от императора Оттона мощи

св. Вита и не поставил их для поклонения вместо идола. Это доказывает, что поклонение Свантовиту было древним, повсеместным, а мысль о происхождении его от св. Вита, имя которого будто бы занесено в IX столетии на Рюген, родилась уже гораздо после.

Имя Свантовит, по толкованию Шаффарика, происходит от слова *Свантый* (Swiety), Святый, и *Вит*. *Вит* было слово, означавшее вообще достоинство природы человеческой; отсюда *витязь*, *витяжество*, *zwyciestwo* (победа), *вития* (красноречивый, мудрый); там и корень слов *ответ*, *привет*, *вещать*, *вещий*. И даже в языках немецкого племени сохранилось это значение: так, по-англосаксонски *vita* — советник, отсюда *vitzig*, *vittenagemot* — судья, собрание старейшин, и скандинавское *vitter* — чародей, вещун.

Что Свантовит, Сварожич, Радегаст и Дажьбог — одно и то же, кажется, ясно. Конь у Свантовита и у Сварожича; воплощение на земле и у Свантовита, и у Радегаста; все три — божества войны, предвещения; Радегаст и Свантовит — божества промышленности, каждый из трех называется единым верховным божеством. Принадлежности этих кумиров указывают на их значение как светоносного начала, а различия произошли оттого, что представляли проявление этого начала в разные моменты его деятельности небесной и земного вочеловечения. Конь Свантовита и Радегаста указывает на рыцарскую жизнь божества на земле, и на воинственное его значение как существа света в борьбе с мраком, и на путешествие солнца, подобно коням Аполлона. Так светопоклонники парсы представляли себе Митру, который, хотя по смыслу зендской системы был первым из Изедов, но считался обыкновенно за божество и назы-

вался непобедимым богом, пробегающим Вселенную с луком, мечом и булавой, поражающим злых духов — Девов. Так и Свантовит, солнце, ездил на своем белом, как день, коне воевать со злыми духами во время ночи, царства противного начала, разрушаемого лучами светила; меч и знамена также атрибуты этой непрерывной брани. Лук в руке напоминает Аполлона — солнцестрелка. Будучи богом брани — символом борьбы света с тьмой, — он был богом света нравственного, мудрости, высочайшего поведения, общественного порядка и гражданственности; оттого у него испрашивали предсказаний, оттого к нему обращались перед начатием всякого общественного дела, и никакое вече, никакой король не мог изменить приговора, истекающего от верховного света. Как бог солнца он был виновником и подателем плодородия, что показывают моления к нему об изобилии земных плодов. Оттого и рог с вином в руке у него, подобное чему можно отыскать у разных народов. Так, по изысканиям Крейцера и Гаммера, у парсов употреблялся кубок, называемый джемшидовым кубком мира. У египтян отправляемы были гадания с возлиянием из кубка в символизации служения богу годичных перемен. У греков происходили возлияния в Самотраки из кубка, называвшегося солнцевым. Кубок Вакха приносился также как символ творения и плодородия светоносному началу.

Итак, из всего этого мы можем заключить, что Свантовит-Радегаст-Сварожич-Дажьбог были одним существом под несколькими названиями и означали светоносную силу в нравственном и физическом смысле.

Что одно и то же божество может называться различными именами, этого нет необходимости доказывать.

В скандинавской мифологии Один имеет до 12 названий. А так как мы знаем, что славяне поклонялись свету под разными наименованиями, то это дает нам повод искать и под другими мифологическими именами того же понятия. Так, я полагаю, что Перун, главнейшее божественное существо после Бога Вседержителя у руссов, также означал светоносное начало; он переводится Юпитером и именуется богом грома и молнии и поэтому уже есть видоизменение понятия о свете. Но, кажется, он означал не только громовника, а вообще свет. Перун — божество старинное, и корень его названия отыскивается у многих народов: так, у литовцев это существо называлось *Перкунос*, а у готов — *Jairguns*, что сходно с зендским *Peiratun*, означающим светлое, небесное жилище. Слово *Перун* на многих языках может означать огонь: по-гречески — *пёр*, слово, по свидетельству Платона, заимствованное от скифов; по-чешски — *pireni*. Огонь служил священной принадлежностью богослужения Перуну. Так, Гвагини говорит, что в Новгороде перед истуканом Перуна горел неугасимый огонь из дубового леса. У поляков это самое божество называлось и *Перун*, и *Jessen* (ясный) и почиталось дарователем земных плодов, в чем очевидное сходство со Свантовитом. Атрибутом его в Силезии была гора Сабот — слово, на дракийском языке означавшее восходящее солнце. Итак, гора Сабот значит гора солнца; сходно с этим и Сobotка — польское наименование всеславянского купальского праздника. Перун, как и Свантовит, был богом войны и мира, поэтому у подножья его клали оружие и клялись при заключении договоров. В Богемии же слово Яссон означало в древности солнце.

Все это приводит нас к тому, что Перун, высочайшее божество русских и поляков, есть то же, что и Свантовит,

божество других славян. Имя Перуна, переводимое классиками Юпитером, известно было и у древних адриатических славян, ибо на аквилейских надписях находятся слова *Jovi Sancti Beroni tonanti*, а в другой *bono Deo Beroni*, что (если только достоверны надписи) доказывает как древность поклонения Перуну, так еще и значение его как бога света, ибо добрым богом преимущественно называли Аполлона, бога солнца.

В хронике саксонской описывается истукан, находившийся в Любеке, — мужчина с венцом на голове, с продолговатыми ушами и с красным, как бы раскаленным, железом в руке; он назывался *Проне*. Кажется, мы не ошибемся, если почтем это название однознаменательным с нашим Перуном. Железо в руке значит ордалию — символ суда. У Гельмольда в трех местах его славянской хроники упоминается божество Прове, называемое верховным божеством вагров. У него не было ни храма, ни изображения; славяне посвящали ему только дуб, окруженный оградой, с передним пространством для народа. Туда приходили люди со жрецом и совершали жертвы, там собирались веча, поставляли законы и судили тяжбы. Никто не смел входить за ограду, исключая приносящих жертвы и убегаящих от смерти. Прове был, таким образом, божеством правосудия; и Проне был тоже, что показывает ордалия в руке его. Все мидографы согласно признавали их за одно существо. Я полагаю, что Проне и Прове равны Перуну, Свантовиту и прочим наименованиям светоносного начала. Доказательства следующие:

1. Проне и Перун явственно одно имя, и, кажется, Проне есть испорченное слово Перун.
2. У Проне в руке красное железо; у Перуна, по известию Гвагнини, был в руке огненный камень.

3. Вагры признавали за верховное божество Свантовита, а между тем Прове называется их верховным божеством. Поэтому нельзя признать его за одного из второстепенных, более отдаленных от Бога Вседержителя духов, а верховное божество, кроме Бога, явственно отделяемого от Свантовита Гельмольдом, был свет.

То же значение имел в Штетоине и Триглав, которого жизнеописатель св. Оттона Бамбергского назвал величайшим божеством славян. По рассказу Эббона, другого жизнеописателя Оттонова, он изображался с тремя головами, и это означало три царства: небо, землю и преисподнюю; глаза и уста у него были завешены золотошвейным покровом для того, чтобы не допустить его видеть и порицать людские слабости. Храм его описывается очень нарядно. В святилище хранились серебряные и золотые сосуды, буйволовыя рога для питья и для труб, множество оружия и всяких запасов; ибо штеттинцы отдавали туда десятую часть добычи, взятой на войне, и славянин обязан был принести ему подарок, спасшись от бури на море, которую, по народному понятию, возбуждало это божество. В честь Триглава отправлялись праздники со священными играми, танцами и пирами. Близ главного храма находились три здания, называемые *континны* (?); там идолов не было, а стояли амфитеатром лавки и столы; туда народ сходил на веча и после собрания заключал толки о делах отечества веселым пиром. Триглав почитался в разных местах славянщины, и почтение к нему было столь велико, что и после крещения славяне удерживали его изображения в пещерах. Повсеместность его доказывается местными названиями гор, например Тергау в Крайне; легко быть может, что и там стояли храмы Триглава, ибо и Штеттин построен